

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

К 100-летию со дня рождения Янки Купалы

ВСЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ОТ СЕРДЦА

ЯНКУ Купалу называют в народе нашим Песняром. Это синоним русского слова «певец», но шире, глубже по значению, по смыслу. Это человек, выражающий думы и чаяния своего народа, это Поэтырь, что ведет народ свой вперед, к Прекрасному, Добром. Янка Купала для белорусов — это то же, что Кобзарь Шевченко для украинцев, Некрасов — для русских. Почему я ставлю имена поэтов, отделенных целой эпохой, в один ряд? Да потому, что все они художники, с великой прозорливостью ощутившие огромные социальные сдвиги, с гениальным предвидением выразившие в своем творчестве новое — в новом времени.

А кто там идет по болотам и лесам
Огромной такою толпой? —
Белорусы.

воскликнул поэт на заре XX века. Гневные строки, переведенные великим Горьким на русский язык, твердо и уверенно заявили о том, что на арену истории, революционных битв вышел народ, утверждающий свое право быть равным среди равных. И это право выразил поэт, плоть от плоти, кровь от крови этого мужественного, скромного, трудолюбивого народа.

И не случайно Янку Купалу белорусы называли своим батюшкой. Потому что звал он свой народ к высокому вдохновенному труду, защищая закон человеческого равенства. При всей влюбленности в свой народ Я. Купала был подлинным интернационалистом. Это с большой силой выражено в его обширном поэтическом наследии, особенно послереволюционном.

Таким он был в творчестве, таким он был и в жизни.

Мне посчастливилось долгие годы общаться с этим замечательным человеком. Я был одним из первых художников, создавших его скульптурный портрет. И, вероятно, читателям, несомненно, знакомым с творчеством поэта, с критическими трудами о его произведениях, будет небезынтересно узнать о тех непосредственных наблюдениях, размышлениях, которые навсегда остались в моей душе от встреч с этим гениальным человеком.

Это было в 1928 году, был я тогда совсем юным, начинающим свой путь в искусстве скульптора. Но, вероятно, родился под счастливой звездой — мне поручили создать скульптурный портрет поэта для театра, который сегодня носит его имя. Дом на Провиантской улице. Я живу в гостеприимной семье и работаю над портретом хозяина. Мы часто беседуем об искусстве. Ивана Доминиковича очень беспокоит, что в Белоруссии пока нет художественной школы для одаренной молодежи. Разъезжая по разным городам Белоруссии, он всюду встречает талантливых хлопцев и девиц.

— Будь у нас школа, — говорил он тогда, — какой изумительной силы искусство мы имели бы...

Добрые глаза его светились какой-то особой лаской, когда он заводил речь об искусных ткачихах, мастерах делать ни с чем не сравнимые узоры «случных поясов», о резчиках по дереву, инкрустаторах, о кружевниках. Сколько мотивов и тем для своего творчества подслушал поэт, когда где-нибудь в хате на Долгине-ском тракте или над кручей Днепра запеваля подхваченную еще у бабулек песню крестьянка-вышивальщица! Как много давали ему неторопливые гуторки-беседы с мужиком, чьи золотые руки вырезали из куска дерева фигуру зубра или аиста! Мне, тогда начинающему художнику, эти рассказы приходились особенно по душе.

И я вспомнил свое детство, таинственную поляну в лесу, где стояли деревянные скульптуры моего земляка

Югана Глека, поплатившегося за любовь к искусству родной, изгнанному паном на чужбину. Я вспомнил своего первого учителя — деревенского гончара Филипа Потапенко. Поистине талантлив наш народ! Но дядька Купала умел не только примечать талант, но и поддержать его и словом, и делом. Ведь не кто иной, как Я. Купала и Я. Колас, из своих средств помогали мне, когда я учился в Ленинграде. Да и потом нередко в кармане своего старенького пальто я обнаруживал деньги, вложенные заботливой рукой.

Купала обладал магнетической притягательной силой. Вокруг него всегда толпилась молодежь.

Гостеприимство купаловского дома в Минске стало легендой. Кого, бывало, там ни встретишь! Художники и писатели, музыканты и журналисты, актеры и издатели. Каждый со своей неповторимой биографией, со своим запасом жизненных впечатлений. Тот воевал в гражданскую войну, тот вернулся с Магнитки... И стихи, стихи, стихи. Чаще всего купаловские. Их читают в оригинале, в переводах на русский и на украинский — и поклонники поэта, и актеры минских театров.

В Белоруссии принято называть уважаемых мужчин почтительно «дядьками». К Янке Купале так обращались не только земляки. Киевлянин и москвич нередко, переступив порог дома, говорили:

— Добрый вам день, дядька Купала...

Кузьма Чорный как-то сказал:

— Дядька — это что батя. А без батки и семье не бывать.

В доме народного поэта всегда царил семейная обстановка. Соберутся ли молодые П. Глебка, П. Бровка и другие «орлята комсомольского племени», придут ли старые друзья Змитрок Бядуля, Михась Лыньков, Якуб Колас, заедут ли из Ленинграда А. Прокофьев и Вс. Рождественский — чувство единой семьи не покидает обитателей на берегу Свислочи, под высоким старым тополем. Я приглядывался к Янке Купале с одной, не дававшей мне покоя тревожной мыслью: «Достигну ли я мастерства, чтобы передать не только внешнее сходство, но и те впечатления, которые у меня сложились за годы общения с ним?..» Мне хотелось выразить те движения души поэта, которые я наблюдал и которые меня восхищали. А это именно то, что в скульптуре очень трудно передается. Но можно, если сильно захотеть... В это я уже твердо верил.

Старожилы говорят, что наша Свислочь в Минске в былую пору разливалась весною так, что превращалась в большую реку. Весенние паводки всегда как-то волновали Купалу. Мне однажды пришлось видеть, как тетя Влада и Иван Доминикович спасали от наводнения библиотеку. Сейчас это место подняли, пожалуй, метра на три, если не больше, а Свислочь взяла в бетонные берега. Смотришь на реку в центре города, видишь ее своеобразную торжественность — и на мгновение забываешь, что раньше тут стоял небольшой домик Янки Купалы. А потом в сознании оживают давно прошедшие

годы. Вот, словно живая, тетя Влада, жена Купалы, ласково говорит:

— Янка, мешаешь мне убирать. Выйди на улицу да посиди с Азгуром.

И Купала, уступая, выходит из своего кабинета, присаживается на лавочке рядом с матерью и со мною.

— Ну, што робить будем, мастачок? — обращается ко мне Янка Купала.

Вдруг слышим звонкие серебристые голоса. В гости к поэту пришли пионеры.

— Ты, Яночка, не забудь, что пригласил вот этих маленьких товарищей? — говорит, выходя в садик, тетя Влада.

— Забыл или не забыл, приглашай их прямо к столу.

Собралось человек двадцать. Тетя Влада принесла на подносе тарелки с конфетами. Дети смотрели на Янку Купалу любовно, как на очень близкого, родного человека. И вместе с тем в их глазах светилось любопытство: перед ними же был народный поэт Янка Купала!

Я невольно вспомнил собственную робость, которая овладела мною при первой встрече с Иваном Доминиковичем. Видимо, его простота и человеческая ласковая приветливость поражали каждого — и взрослых, и детей.

Маленькая девочка с курносим веснушчатым носиком, наверное, самая бойкая, сказала:

дать в человеке уверенность. Уверенность в том, что ни при каких испытаниях он не погибнет. Ничто не чуждо человеку, кроме порочного. Порочное и поэт, и художник должны уничтожить всеми возможными средствами. Вносить в жизнь дух бодрости и радости — вот наша с вами задача.

Я в ответ стал декламировать его же строки:

Я верю — такие
Придут перемены.
Советские всходы:
Взойдут на раздолье —
В долинах Дуная,
И Вислы, и Сены,
И всюду, где труд
Человека в неволе.

Янка Купала добродушно усмехнулся, и по выражению его лица я понял, что он взволнован. А я продолжал дальше говорить о его мечтах:

Нью-Йорки и Лондоны,
Римы и Праги,
Берлины, Парижи,
Варшавы, Шанхай
В такие ж оденутся
Алые флаги,
Какие над нашей
Страной полыхают.

Да, наш Купала — великий поэт-мечтатель и замечательный коммунист, хотя формально был беспартийным.

В свое время у меня родился замысел скульптурной композиции, которая могла бы, как мне думалось, стать украшением одной из площадей Минска. Мы обсуждали замысел с писателем Кузьмой Чорным. Было несколько эскизов. Сам я видел все это так: огромная масса народа движется вперед, устремленная к светлой цели, и среди этих людей — поэт. Поэтом, конечно, был Янка Купала, а весь замысел был навеян его стихотворением «А кто там идет?». Над толпой, как я предполагал, выведены слова: «Белорусы идут...»

Перед войной во время декады белорусского искусства и литературы в Москве я виделся с Янкой Купалой урывками. Вместе с ним мы побывали в гостях у Алексея Толстого, встречались и в Доме литераторов. Сам не знаю, почему именно там, а не в Минске, я и показал Ивану Доминиковичу эскиз своей композиции. Возможно, всеобщее воодушевление подтолкнуло меня. Я не стал таиться и скрывать от Янки Купалы своих творческих замыслов. Он долго рассматривал эскизный набросок, потом негромко и очень серьезно заметил, что идея сама по себе очень скульптурная. Но идущие — это не только те, которые хотели «людьми зваться», а и сегодняшние люди, и грядущих времен. Я ему сказал, что так у меня и задумано. Пояснил весь замысел подробнее.

— Я так и представлял себе, что вы по-своему решили это сделать. И мне ваша идея нравится, — сказал Янка Купала.

Кузьма Чорный, собственноречиво, виновник широты этого замысла — он мне подкасал тему, — поддержал Ивана Доминиковича:

— Нужно показать мужественных и сильных людей. И обязательно тех сильных, которые возглавили победоносное шествие белорусов к большой цели...

Не успели мы осуществить свои замыслы. Вскоре началась война.

Во время эвакуации я встретил Янку Купалу на лестнице в гостинице «Москва». Он был грустен. Подошел ко мне, обнял и печально сказал:

— Скоро ли приедем в Минск? Когда?.. Кстати, площадей будет много и памятников нужно будет делать много.

Я ответил:

— Скорей бы приехать!

— Не так это просто. Но приедем обязательно... Уже сейчас ты можешь готовиться к новым работам. Много будет дел. Родилось столько героев, что тебе на всю жизнь хватит.

В военные годы Янка Купала много писал и часто обращался по радио к соотечественникам. Но я никогда не думал, что мы возвратимся в родной Минск без великого белорусского поэта.

Последний раз я видел его в гостинице «Москва»: мы стояли возле утомленного навсегда народного песняра и горевали. И тут вспомнились его стихи, совсем недавно переданные по радио:

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте врагов поганых,
Режьте ворогов оканных,
Свору черных псов войны.

Светлая личность, подлинный интеллигент — таким остался в памяти Янка Купала. Кажется, что он настолько велик, что ему и памятника не нужно. И все же как хорошо, что в родном городе, в замечательном парке возвышается величественный памятник Янке Купале, который стоит во главе той большой колонны людей.

А кто там идет по болотам и лесам
Огромной такою толпой? —
Белорусы.

Заир АЗГУР,
Герой Социалистического
Труда, народный
художник СССР.

— Мы выучили на память ваше стихотворение «Мальчик и летчик»...

Янка Купала хитровато улыбнулся:

— Так кто же из вас мальчик и кто летчик?

Дети засмеялись смущенно. Только бойкая девочка и тут не растерялась:

— А мы можем прочитать вам ваши стихотворения.

Я и до сего дня помню, как тоненький, звонкий голосок выводил купаловские строки:

Только мать не узнала,
Что будет с Алесей...

Разговор становился все более оживленным. Щеки Янки Купалы порозовели, в глазах засветился добрый веселый огонек. Он прошел в кабинет, принес книжки и рукописи и начал читать детям стихи. Я не скажу, что Иван Доминикович был большой мастер декламации, но слушали его пионеры очень внимательно.

Когда Купала сказал, что ребята сами должны попробовать писать стихи, дети спросили:

— О чем?

— Про Зою, про Мишу, про маму и маленького братика, про васильки и про летчиков, про соловьев и ежей...

— А мы не умеем...

— Я тоже не умел, а потом вот подумал-подумал и начал писать. Так и вы...

Купала шутил, и в столовой все время звенел веселый детский смех. Прощаясь с детьми, поэт просил юных друзей не забывать его, заходить. Кто-то из старших ребят сказал:

— Мы и так вам надоели.

— Обязательно приходите, а то мне будет скучно. А после работы нельзя скучать...

Дети ушли. Купала заговорил про бесконечность всего живого и утверждал, что самый плодотворный период жизни человека — это юность и зрелость. «Самые бодрые и самые здоровые мысли», — сказал он, — бывают в молодые годы. А вот после пятидесяти человек начинает анализировать, у него появляются сомнения. Это — тоже по-своему хорошая пора. Но, должно быть, Пушкин правду сказал: «Блажен, кто с молодом был молод...»

В спокойном купаловском характере, — это могут подтвердить те, кто его знал, — скрывалась очень нервная, чуткая, быстро реагирующая душа. Янка Купала не был сентиментален. Но слезы у него, когда он видел человеческое горе, текли часто. По своему душевному складу Купала мне чем-то напоминал Максима Горького. И своей повышенной чувствительностью к добру и злу был похож на великого пролетарского писателя.

И еще одна особенность Янки Купалы, которая отличала его от многих, знакомых мне: он был в высшем смысле этого слова джентльменом. Никогда не позволял себе никакой бестактной шутки и никакой обидной иронии, которая могла бы хоть чем-то задеть кого бы то ни было.

Однажды во время сеанса Иван Доминикович, осматривая мои работы — это было в 1939 году в моей мастерской, — заметил, что в них есть и бодрость, и задумчивость.

— И это хорошо, — сказал Янка Купала. — Художник и поэт должны возбуж-